
ВИТАЛИЙ ШЕВЦОВ

БЕЛОРУССКАЯ СТРАНИЦА ЖИЗНИ БЛОКА

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
А. Блок. Поэма “Возмездие”

Его величество случай! Благодаря этому самому случаю мы порой неожиданно для самих себя оказываемся непосредственными участниками странных событий, которые, на первый взгляд, не имеют к нам никакого отношения. Но проходит время — и понимаем, какой удивительный подарок преподнесла судьба, выбрав именно нас в тот день и час.

Почти каждый год мы с семьей навещаем наших родителей в Белоруссии. Живут они в деревне Лопатин Пинского района Брестской области. Лето в деревне для городского человека — время активного отдыха: рыбалка, купание в реке, охота, сбор грибов и ягод и, конечно, самое главное — хождение по гостям. И это не только обмен подарками и веселые застолья, а в первую очередь — соблюдение традиций, поддержание родственных связей. Но самыми важными днями отпуска, на которые ложится главная нагрузка, являются день приезда и день отъезда. Слезы радости и слезы расставанья — ну куда ты от них денешься!

К чему я это рассказываю? А вот к чему.

Именно за день до отъезда и произошел со мной тот самый случай, который заставил меня совершенно другими глазами посмотреть на давно знакомую деревню и людей, живущих в ней. А “виной” всему оказался мой девятилетний внук Никита. Вооружившись подарком родителей — новеньким цифровым фотоаппаратом, он подошел ко мне после обеда и предложил прогуляться по деревне.

— Пойдем пофотографируемся, дед, на память.

Память — странная штука. Часто она хранит какие-нибудь мелочи жизни, не сберегая того, что неизмеримо нужнее и важнее для нас.

Уже возвращаясь домой, мы остановились с внуком у здания сельского дома культуры. И вдруг я, словно в первый раз, увидел на входе слева от двери небольшую мраморную доску: **“В августе 1916 года в деревне Колбы и Лопатин жил великий русский поэт Александр Александрович Блок”**.

Удивительно, в 1986 году, ровно двадцать два года назад, я стоял на этих же ступеньках дома культуры: здесь была моя свадьба. Ну ладно, тогда, как говорится, мне было просто не до того. Но потом, каждый раз приезжая в деревню, ведь я заходил в дом культуры...

— Дед! Ну пойдем за мороженым в магазин, — нетерпеливо напомнил внук данное ему обещание.

Вернувшись из магазина, я сразу обратился к теще с вопросом:

— Мама! Скажите, неужели Блок в 1916 году жил в вашей деревне?

Моя теща, Надежда Владимировна Остапчук, сорок один год преподавала в лопатинской средней школе. Преподавала русский язык и литературу. Она-то мне и рассказала, что во время Первой мировой войны Блок в составе 13-й инженерно-строительной дружины Всероссийского союза земств и городов проходил в этих местах воинскую службу в должности табельщика.

— Здесь рядом, в двух километрах, находится деревня Колбы. Там вместе с другими офицерами и с дружиной в доме у местных жителей квартировал Блок. Хочешь, сходи, если тебе это интересно.

— Завтра с утра и отправлюсь, — заявил я.

— А не забыл, что вы завтра уезжаете? — улыбнулась теща.

— Успею, — заверил я.

— В деревне спросишь церковного старосту Александра Никитича Кочановского, — продолжила теща инструктаж. — Он у нас как бы местный краевед. Все о деревне и ее жителях знает. Он и об Александре Блоке тебе расскажет.

... Позавтракав на скорую руку оладьями, которые теща заботливо напекла в настоящей русской печке, и запив их кружкой ароматного домашнего коровьего молока, я, прихватив фотоаппарат, рано утром отправился в деревню Колбы.

Проселочная дорога, сосновый бор, поле с торчащими ярко-красными чубами клевера, старая земляная дамба перед деревней... Кажется, стоит на миг закрыть глаза — и время потеряет свою власть над нами, позволив зримо, душой почувствовать луч солнца, крик птицы, горячую дорожную пыль под ногами. Если и изменилось что в этом мире, то это только мы с вами.

Дорогу к дому церковного старосты мне сразу показали местные деревенские мальчишки. Хозяева встретили меня прямо во дворе. Словно ждали. “Ну, неужели теща или тесть предупредили о моем появлении в деревне?” Но я ошибся. Деревня — это огромный живой организм, его можно сравнить с пчелиным ульем. Здесь все и всё знают друг о друге. Здесь нет глупой зависти и злости. Рождение ребенка, свадьбы, праздники и похороны — общая радость и горе одно на всех. Чужих здесь не боятся, но и своих в обиду не дадут никогда.

— Значит, хотите о Блоке написать? — внимательно выслушав меня и серьезно посмотрев мне в глаза, спросил Александр Никитич. — Ну что ж, рад буду помочь. Но разрешите сразу уточнить. Вы из праздного любопытства или как? А то, знаете ли, приезжали к нам при советской власти несколько журналистов из Москвы. Праздник даже устроили — блоковские чтения. Да все как-то и стихло после их отъезда. У вас перестройка да реформы, а у нас свои заморочки. Видно, не до Блока. Ну так как? Что вы мне ответите?

Я прекрасно понял Александра Никитича. Этот простой белорусский крестьянин, волею односельчан выбранный исполнять обязанности церковного старосты, задал мне свой вопрос неспроста. В погоне за “клубничкой” писательская братия порою такого может напридумывать... А ведь это история. Пускай даже маленькой деревни. Но в ней живут люди.

— Я член Союза писателей России и обещаю написать только о том, что вы мне расскажете, — произнес я торжественно, словно клятву.

— Ну что ты, Никитич, к человеку пристал, — вступилась за меня хозяйка. — Это ж зять Нади и Коли Остапчуков с Лопатино, ихней Гали муж. Наш он.

“Наш” — это слово прозвучало как своеобразный пароль, поручительство. Ну разве мог я обмануть этих людей? Они ведь не торговали воспоминаниями, как это у нас сейчас модно стало, а, наоборот, помнили и берегли то, о чем им рассказали родители, а родителям — их родители. Из поколения в поколение простыми людьми пишется наша история. Бережно, по крупицам мы должны собирать ее, не пропуская ни минуты. Ведь это так важно знать, кто ты есть на этой земле.

Поглядев друг на друга, мы все втроем громко рассмеялись.

— Ну, тогда идемте сразу к капличке, — предложил Александр Никитич.

— А что это такое, капличка, и почему вы ее так называете? — не удержавшись, задал я вопрос.

— Капличка — это наша часовенка, — ласково ответил он мне. — А назвали ее так потому, что она сама как капелька. Да вы сейчас только увидите ее — и все сами поймете.

Удивительно, как это деревенские жители, в отличие от нас, городских, в каждом окружающем их предмете видят нечто неизмеримо большее, чем мы с вами, нечто сверхчувственное, говорящее о сокровенной тайне души мира. Недавно, листая старый семейный альбом, я на себе почувствовал, что такое зов предков. Фотографии деда и бабушки. Их уже давно нет с нами. Но воспоминания о них, о старом деревенском доме на Украине, в Винницкой области, куда почти каждый год мы приезжали с родителями, нахлынули на меня щемящей тоской. Мы все деревенские, и не надо этого стыдиться. Наши корни там, в маленьких и больших деревнях и селах, станицах и хуторах.

“Дом – это лоно, из которого вышла и вернется душа, это юность наша прошлая и грядущая” (А. Блок). И если кто-то из нас позабыл свою семейную историю или, того хуже, вырвал из нее пару страничек ради удачной карьеры, он не только обокрал самого себя – он обрек внуков и правнуков своих на то, чтобы звались они иванами без роду и племени. Потому и замечаю я часто такую странность среди людей: одни в этой жизни живут, а другие существуют.

Колодезный журавль, дедушкины сапоги – ходоки, небесное коромысло – радуга, ветер – болтун, луна – серп, солнце – блин... Эти слова я впервые услышал от деда с бабушкой и полюбил и запомнил их на всю жизнь.

– А это правда, что вашей капличке больше двухсот лет? – не удержался я.

– Как есть двести один год 6 мая этого года исполнился, – гордо произнес Александр Никитич. – Ну вот и пришли, – перекрестившись, он неторопливо достал из кармана брюк связку ключей и открыл двери каплички.

Думаю, что именно здесь, в этой полесской деревушке, Александр Блок особенно остро почувствовал тот самый скрытый смысл жизни, ее второй план, который он так безуспешно пытался увидеть в обыденных мелочах божественной светской жизни.

– Он маменьку свою звал капелькой, – в очередной раз поразил меня Александр Никитич своими познаниями. – Дед моему отцу рассказывал, как этот Блок, словно ребенок, вокруг каплички ходил, когда узнал, как мы ее называем. Весьма верующий был человек. Не то что сейчас некоторые веру в баловство превратили. Думают, овцы заблудшие, что в Божий храм ради забавы ходить можно.

*Да, так любить, как вас любили мы,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Она и милует, и губит!*

А. Блок. Поэма “Скифы”. Черновик. 29.01.1918 г.

Полесье! Художница-природа не пожалела зеленой краски для этого самобытного уголка Беларуси. Леса, рощи, дубравы, заливные луга. Узкими стежками вьются реки. Синют первозданной красотой озера.

А пробовали вы когда-нибудь пить воду из деревенского колодца, прямо из ведра? Зубы ломит, такая ледяная, а оторваться невозможно. Вкусна полесская водица.

А аистов здесь! Почти на каждой деревенской хате гнездо. Добрые и простые люди живут на Полесье. И не удивительно – в какую деревню ни попадешь, везде тебя встретят ласково, с улыбкой на лице. В дом пригласят, накормят, напоят, ночлег предложат. И никаких денег не спросят.

Почему? Да потому что живут эти люди на своей земле и берегут ее и любят, как дитя родное. А за любовь денег не берут! Дом, семья, любимая работа. Вот такое вот счастье человеческое. А еще вера и память. Эти два простых слова в трудный час всегда напомнят о том, что ты – человек. Хозяин своей земли. Той самой земли, которая дала тебе жизнь.

Сколько времени прошло после того как мы с Александром Никитичем вошли в капличку, я не помню. Серьезные и в то же время добрые лики святых на старинных иконах, ароматный запах горящих восковых свечей...

Не знаю, почему, но вдруг вспомнилось детство. Мне было пять лет, когда бабушка в первый раз взяла меня с собой в церковь.

– Бабушка! А я не знаю молитвы, – испуганно прошептал я.

– Главная твоя молитва всегда с тобой, – ласково погладила она меня по

голове. — Это правда. Делись с Богом своей радостью, обращай к нему за помощью, и он тебя услышит.

Сколько человек за эти два столетия посетили капличку, знает один Бог. Но теперь я знаю точно, что ровно девяносто один год назад стоял перед этими иконами великий русский поэт Александр Блок. О чем он говорил с Богом, нам неизвестно. Соприкоснуться с историей, пускай даже на миг, — дорогого стоит.

Я обратил внимание на одну из икон. Она отличалась от других тем, что была не рисованная, без оклада, в простой деревянной рамке под стеклом.

— Это печатная копия иконы “Воскресение Христово” с клеймами двенадцатых праздников, — произнес почтительно за моей спиной Александр Никитич, — можно сказать, ровесница она самому Блоку.

Привстав на цыпочки, я с волнением стал внимательно всматриваться в икону.

Бумага от времени по краям пожелтела, а кое-где местами даже истлела. Но, что удивительно, время словно не коснулось изображенных на ней ликов святых. Такого чистого звучания красок, такой гармонии холодных голубых тонов с нежно-розовыми и золотистыми я раньше никогда не встречал ни на одной из знакомых мне древних копий картин именитых художников. Разгадка была в самом низу иконы. Я сразу не обратил внимания на этот мелкий типографский шрифт: “. . . духовн. комитет. печат. Г. Москва. 14 октяб. 1886 г. цена священн. ”. Вот и все, что мне удалось разобрать, но и этого хватило, чтобы понять самое главное: воистину цена священна иконе этой.

Сто двадцать два года! Много это или мало для нас с вами, мой дорогой читатель? “Для вас — века, для нас — единый час”, — так обращался к нам в своем знаменитом стихотворении “Скифы” А. Блок. Прочитайте его еще раз. И если ваше сердце учащенно забьется и вы почувствуете, как гордость закипает в вашей крови, вы достойны этих стихов, и они написаны именно для вас.

Александр Блок первым из российских поэтов начала прошлого столетия громко и открыто заговорил о подвигах, о доблести, о славе русского народа. Мы должны быть благодарны ему за это. Он верил в Россию и любил свой народ.

Не удивительно, что как только был объявлен призыв в армию сверстников — ратников ополчения, родившихся в 1880 году, Блок выбрал фронт, а не возможность благодаря родственным связям служить при штабе в столице. “Писатель должен идти в рядовые”, — заявил он своему другу Вильгельму Александровичу Зоргенфрею в марте 1916 года.

Уже выходя из каплички, я спросил у Александра Никитича разрешения сфотографировать икону “Воскресение Христово”.

— Сфотографируйте, раз уж вам для дела надо, — благосклонно разрешил он мне.

По укатанной колесами автомобильного и гужевого транспорта деревенской улице мы вышли прямо к красавцу дубу. Великан, устремив в небо свою пышную раскидистую крону, гордо возвышался посреди деревни.

— Еще один ровесник Блока, — вырвалось у меня.

— По возрасту подходит, — согласился со мной Александр Никитич.

И словно в подтверждение его слов, дерево вдруг зашумело своей могучей кроной и осыпало нас градом спелых желудей.

— Ишь ты! — улыбнулся Александр Никитич. — Вот ведь говорят дерево, дерево, а оно, как человек, — все слышит, все понимает.

“И помнит”, — подумал я, представив себе Александра Блока, стоящего здесь много лет назад, так же как мы сейчас.

Я прекрасно понимал, что за столь короткое время моего общения с Александром Никитичем не смогу получить все ответы на свои вопросы о Блоке. И будто услышав меня, Александр Никитич сказал:

— А вы, молодой человек, приезжайте к нам ещё. Мы с вами тогда обстоятельней побеседуем. Вам бы, конечно, надо было с Марией Ивановной Лемешевской поговорить. Ведь именно в доме брата ее отца стоял на постое Александр Блок. Ну да вот незадача — нет ее сейчас в деревне. Еще вчера в город поехала к родственникам.

— Приеду, обязательно приеду, — заверил я Александра Никитича.

Говоря тогда эти слова, я еще не знал, что буквально через двадцать два дня судьба снова заставит меня вернуться в эти края. Вот уж правду говорят: “Человек решает, а судьба располагает”.

...Человек может достигнуть вершины славы, свершить много великих дел, может облагодетельствовать человечество, но — горе ему, если на своем пути он изменит юность, или, как сказано в Новом завете, “оставит первую любовь свою”. Неминуемо, в час урочный и роковой, постучит к нему в двери “Юность” — дерзкая и нежная Гильда в дорожной пыли. Горе ему, если он потушил свой огонь, продал свое королевство, если ему нечем ответить на ее упорный взгляд, на ее святое требование: “Королевство на стол, Строитель!”

А. Блок. Отрывок из статьи об Ибсене

Всего-то один час сорок пять минут — и вот под крылом самолета уже не белорусские поля и леса, а волны Балтийского моря. Самолет полон солнца. Как же это здорово — возвращаться домой!

До конца моего отпуска у меня оставалось еще пять дней. Почти все их, несмотря на неоднократные напоминания жены о даче, я провел в читальном зале городской библиотеки. Читал и перечитывал стихи Блока, его статьи, письма, воспоминания современников поэта. С чего начать? Чем объяснить вдохновение, побудившие меня взяться за столь серьезное и деликатное дело, как поиск новых биографических сведений о пребывании Александра Блока в Белоруссии?

Ведь как же трудно бывает порой найти именно те самые нужные слова, которые дают нам возможность правдиво, по воспоминаниям нарисовать духовный, нравственный портрет прошлого.

И тут мне опять повезло. Ответ на волновавшие меня вопросы я неожиданно нашел в одной из статей Александра Блока, написанной в 1916 году: “Одним из главных моих “вдохновений” была честность, то есть желание не провратиться “мистически”. Так, чтобы все можно было объяснить психологически “просто”. События идут как в жизни, и если они приобретают иной смысл, символический, значит, я сумел углубиться в них”.

Итак, “честность и желание не провратиться”. Эти слова стали для меня главными в моем литературном исследовании.

История. Бережно хранит она в народной памяти, казалось бы, вполне обычные и знакомые каждому из нас слова: Беларусь, Первая мировая война, Александр Блок...

Возможно, благодаря именно этим словам мне и удалось написать эту самую белорусскую страницу жизни великого русского поэта. И нет здесь никакого секрета, потому что за каждым из этих слов стояли и стоят люди со своими удивительными и неповторимыми судьбами. Я уже давно заметил, что изучение одной биографии неуклонно ведет к знакомству с другими, и это соседство дает возможность найти порою, казалось бы, навсегда утерянные звенья нашей истории.

С биографией и творчеством Александра Блока большинство из нас знакомится в школе. Учебник для общеобразовательных учреждений “Русская литература 20-го века”, одиннадцатый класс. Биография великого русского поэта А. Блока занимает в этом учебнике полторы странички.

“А ведь за плечами А. Блока стояла большая, сложная, высоким костром сгоревшая жизнь”, — писал в своих воспоминаниях о поэте Всеволод Рождественский.

Признаюсь честно, меня особенно интересовало, а как же в учебнике отражено участие поэта в Первой мировой войне. Увы! Всего лишь четыре строчки: “Летом 1916 года он призывается в армию в качестве табельщика одной из строительных дружин и направляется на фронт, где, по его словам, живет “бессмысленной жизнью, без всяких мыслей, почти растительной”.

Скучно, сухо, по-казенному написал о великом поэте России кандидат филологических наук некто А. В. Леднев.

Восстанавливать связь времен — задача каждого культурного человека. Я думаю, что многим из тех, кто берет на себя ответственность сеять мудрое и вечное в душах подрастающего поколения нашей страны, стоит задуматься над значением этих слов.

“Надо надеяться, что военный период жизни Блока будет освещен кем-либо из близких, его наблюдающих”, — писал в своих воспоминаниях друг поэта В. А. Зоргенфрей.

“... Двадцать шестого июля 1916 года Блок выехал в расположение дружины (ст. Лунинец Полесской железной дороги, в районе Пинских болот). Во время пребывания в дружине Блок жил то в расположении отряда в деревне Колбы, то в помещении штаба дружины – в усадьбе Парахонск местного помещика князя И. Э. Друцкого-Любецкого.

... Когда по убийственной дороге через предательские болота я добрался ночью в деревню Колбы, в низкой полесской хате при скудном свете керосиновой лампы была произнесена фамилия Блок.

... Был в военной форме дружины. Внутренняя жизнь горит только в глазах.

... Мы строим окопы, блиндажи – всю сложную систему большой оборонительной позиции. На работу выезжаем по несколько человек верхом. Блок ездит великолепно.

... Один раз Блок сдается на уговоры прочесть стихи. В полесской хате звучат вдохновенные слова, произнесенные неровным, глухим голосом.

... Иногда где-то преподает. Пишет ли? Вероятно, в одиночестве ищет душевного равновесия.

... Общество наше довольно странное: рядом с поэтом Блоком молодой, симпатичный еврей-астроном И. И. Идельсон, талантливый архитектор Л. И. Катонин, потомок композитора Глинки К. А. Глинка.

... На службе Блок – образцовый чиновник. Он может теперь влиять на улучшение быта рабочих и делает это с усердием. Неслыханно аккуратен и симпатичен. Когда это вызывает удивление, говорит: “Поэт не должен терять носовых платков”.

Это из воспоминаний Владимира Францовича Пржедпельского (литературный псевдоним – Владимир Лех. Поэт, журналист, сослуживец Александра Блока по 13-й инженерно-строительной дружине Всероссийского союза земств и городов):

“... В январе 1917 года морозным утром я, прикомандированный к генералу М., объезжающему с ревизией места работ Западного фронта, вылез из вагона на маленькой станции, в лесах и снегах. Мне было поручено взять в управлении дружины сведения о работающих в ней башкирах. Меня провели в жарко натопленный домик. Через несколько минут, запыхавшись, вошел заведующий, худой, красивый человек, с румяным от мороза лицом, с заиндевевшими ресницами. Все, что угодно, но никак не мог ожидать, что этот заведующий Александр Блок. Когда сведения были отосланы генералу, мы пошли гулять. Блок рассказал мне о том, как здесь славно жить, как он из десятилетий дослужился до заведующего, сколько времени в сутки он проводит верхом на лошади; говорили о войне, о прекрасной зиме...”

А это – из воспоминаний Алексея Николаевича Толстого.

О приезде А. Толстого Александр Блок писал своей матери в письме от 19 января 1917 года.

“... Вчера приезжал генерал, остался доволен, благодарил нас (при нем состояли мои приятели Д. Кузьмин-Караваев и А. Толстой)”.

“... Он сказал, что не пишет стихов, потому что война и писать не хочется, что нужно быть на фронте и что он собирается ехать туда. Он говорил, что это долг каждого и что в тяжелое время нужно быть не только поэтом, но и гражданином. Судьба России важнее всех судеб поэзии”.

[Из воспоминаний К. С. Арсеньевой-Букштейн (литературный псевдоним – Клара Арсеньева, поэтесса-драматург)].

“Ну вот, кажется, и все. Теперь дело за тобой, мой дорогой читатель. Решай сам, согласен ли ты с тем, что семь месяцев, проведенных на фронте поэтом Александром Блоком, были для него бессмысленной тратой времени.

Можно было бы и закончить на этом белорусскую страницу жизни Александра Блока, если бы не одно но...

Мне вдруг вспомнились слова церковного старосты Александра Никитича Кочановского, которые он сказал мне перед самым отъездом: “Вам бы с Марией Ивановной Лемешевской поговорить не мешало. Ведь именно в доме старшего брата ее отца вместе с другими офицерами стоял на постое Александр Блок”.

С детства я слышал от своей бабушки такие слова: “Слово и дело едины”. Не хотелось мне откладывать разговор с Марией Ивановной. Беларусь от Калининграда не ближний свет.

Но судьба приготовила мне очередное неожиданное испытание. Телефонный звонок родной сестры заставил меня срочно выехать по семейным обстоятельствам в Белоруссию. Мама! Самый родной и близкий человек на свете. До свидания и прощай. Одно слово звучит как надежда, а другое – как вечность.

Перед самым отъездом в Калининград я заехал к теще и тестю в деревню Лопатино. Теперь они для меня – единственные родители на всем белом свете.

О встрече с Марией Ивановной я заранее не договаривался, потому и пошел в деревню Колбы под вечер в надежде, что застаю ее дома. По дороге решил, что сначала навещу Александра Никитича Кочановского. Как-никак, а ведь это он мне посоветовал встретиться и поговорить с Марией Ивановной. Александра Никитича, как и в прошлый раз, я застал во дворе.

“В деревне работу искать не надо, она тебя сама найдет”, – любит шутить мой тесть. Сидя на корточках перед огромной, по городским меркам, горой свежевыкопанной картошки, которую, было видно, только что привезли с поля, Александр Никитич занимался ее переборкой. Поздоровавшись со мной и улыбнувшись, как старому знакомому, он с нескрываемой хозяйской гордостью проговорил: “Вишь, какой урожай у нас в этом году”. Картошка и впрямь была загляденье. Крупная, сухая, чистая, без единого пятнышка парши на коже. Одно слово – царица белорусских полей.

Через полчаса, переодевшись, Александр Никитич повел меня уже знакомой улицей к дому Марии Ивановны Лемишевской. Признаюсь честно, я немножко волновался и поэтому надеялся, что в разговоре с хозяйкой староста поможет. Но стоило нам только войти в дом и поздороваться, как Александр Никитич куда-то резко заспешил и, напоследок хитро подмигнув мне, быстро исчез за дверью. “Вот тебе и раз”, – только успел подумать я, как хозяйка обратилась ко мне с вопросом:

– Это вы, значит, аж из самого Калининграду к нам приехали?

– Приехал. У меня здесь тесть и теща в деревне Лопатин проживают.

– Знаю, знаю, – махнула она рукой. – Писатель?

– Писатель, – ответил я односложно, не зная, с чего начать разговор.

– Александр Никитич говорил, о Блоке пишешь?

– Пишу, – покраснел я под ее пристальным взглядом.

– Ну, тогда садись за стол и записывай, – улыбнулась она мне. – Раньше наша деревня Колбы делилась как бы на две половины. Одна называлась “дворец”, а другая – “шляхта”. Кто придумал эти названия, не знаю, потому и врать тебе не буду. “Дворцовыми” называли селян среднего достатка – тех, которые не имели земли и коней. Домашний скот держали все – это не в счет. Попробовал бы кто прожить на деревне без коровы, курей да гусей. А на второй половине жила “шляхта”. Люди богатые. Хозяйства у них были крепкие. Избы добротные. Одно слово, хозяйева, – в ее голосе я вдруг услышал нотки гордости за тех людей, о которых она мне только сейчас рассказала. – Не с неба на них это богатство свалилось. Своим горбом заработали. По копейке копили. Пахали, сеяли, скот растили. Дорога к достатку через труд лежит. Не все клады находят, не все... – она вдруг неожиданно умолкла, оборвав свой рассказ на полуслове. Словно спохватившись, что вдруг рассказала мне о чем-то сокровенном, чего мне и знать-то не следовало. Природная человеческая осторожность приучила людей ее поколения быть в меру искренними с незнакомыми им людьми. Но, разглядев в моих глазах неподдельное любопытство, вздохнула и продолжила: – Даже фамилии у тех людей были красивые, двойные: Колб-Селецкие, Колб-Лемешевские. У деда моего Федора Колб-Лемешевского было четыре сына: Адам, Якуб, Степан и Иван. Как ты догадываешься, наверно, – улыбнулась она, – младший Иван и был моим отцом.

Весь рассказ Марии Ивановны был похож на какую-то то ли местную притчу, а может быть, даже и сказку. Я старался не пропустить ни одного ее слова.

– Осенью это было, в 1916 году. Фронт в двенадцати километрах от нашей деревни проходил. У деревни Плешицы. – Той ночью, – рассказывала мне бабушка, – дождь лил как из ведра.

Дед с бабушкой не спали, у них корова заболела. Вот на свет в их оконце и заехали к ним два офицера на конях. Они их накормили да спать уложили. Один из этих офицеров и был ваш Александр Блок.

– А почему вы так думаете, что это был именно Александр Блок, а не кто-то другой? – волнуясь, спросил я.

– Мне это бабушка рассказывала. Она сама наутро отвела этих офицеров в дом к своему старшему сыну Адаму. Он уже давно отделился от родителей и жил своим хозяйством. У него уже стояли офицеры на постое. Не помню, то ли их там четверо, то ли пятеро было, бабушка говорила.

“Ура!” – еле сдержал я себя, чтобы громко не закричать. Чуть ли не наизусть я был готов процитировать строчки из письма Александра Блока, которые он написал 21 августа 1916 года своей матери из деревни Колбы.

“...В избе три комнаты, блохи выведены. В одной спят Попов, Идельсон и Глинка, в другой – Игнатов, Егоров и я, а в третьей (кухне) – хозяин, хозяйка и котенок, на чердаке две миловидные девицы (загнаны нами на чердак)”.

– А где стоял этот дом? Как звали девушек, то есть дочек Адама Колб-Лемешевского? – задал я, не удержавшись, один вопрос за другим.

– Это были мои двоюродные сестры, – с теплотой в голосе произнесла Мария Ивановна. – Старшую, как и меня, Марией звали, а младшую Сашей. А дом, – она вздохнула, – нет уже того дома, как и дедушкиного тоже нет.

– Как это нет?

– А вот так, нет – и все. Из-за этих двух домов при советской власти наши семьи как кулаков чуть в Сибирь не отправили. Потому раскатали дома по бревнышку да продали и построили дома поменьше, – горестно вздохнула она.

Выждав какое-то время, я попытался оторвать Марию Ивановну от горестных мыслей своим очередным вопросом:

– А что вы можете еще рассказать о жизни Блока в вашей деревне?

– Я вот вам расскажу, а поверите вы мне? – ответила она вопросом на вопрос.

– Поверю. Расскажите, – взволнованно произнес я, почувствовав в ее словах какую-то тайну.

Да и почему я не должен был верить этой простой деревенской женщине?

– Бабушка моя Анна рассказывала: хоть и война была и фронт рядом проходил, но все равно собиралась окрестная молодежь по деревням на вечерки, песни пели, танцевали. Народу-то в деревнях прибавилось: военные, вольнонаемные. Все мужики молодые.

– А как эти вечерки проходили и где? – не удержавшись, спросил я.

– Хорошо проходили, – улыбнулась Мария Ивановна, – можно сказать, чинно и благородно. Клубов в те времена не было. Молодежь все сама организовывала. Заранее в деревне договаривались с кем-то из хозяев о проведении в его доме гуляний, то есть вечеров. Сами музыкантов приглашали, сами и за порядком следили. На таких вечеринках знакомились и женихались.

– Так что, и офицеры на вечеринки к местным ходили? – удивился я.

– А что им было делать после службы, чай со стариками пить? – задорно рассмеялась Мария Ивановна. – Они ведь все мужики были молодые, кровь с молоком. А наши девушки на Полесье самые красивые да голосистые. Ты жену свою тоже ведь из этих мест взял? Не прогадал? – глаза ее заблестели по-молодому озорно, несмотря на возраст.

– Не прогадал! – улыбнулся я в ответ.

– Ну вот и слава Богу. Живите себе счастливо.

Эти слова она произнесла с такой неподдельной искренностью и теплотой, что мне вдруг тоже захотелось пожелать ей того же. Но то ли от волнения, то ли от растерянности – ведь не каждый день незнакомый человек желает тебе и твоей семье счастья – я, густо покраснев, произнес только в ответ: “Спасибо”.

– На одной из таких вечеров они и познакомились, – продолжила свой рассказ Мария Ивановна. – А так как Блок квартировал в доме отца Марии, то об их отношениях сразу никто и не догадался.

– Вы рассказываете так, словно присутствовали при их знакомстве, – не удержался я.

– Я не присутствовала, – тут же обидчиво отреагировала Мария Ивановна на мои слова. – Но с какой стати, скажите вы мне, молодой человек, я не должна верить своей бабушке и родной матери?

– Но тогда поверьте мне! – теперь пришла очередь моих доказательств. – Я не нашел ни в письмах, ни в воспоминаниях Блока, даже в его стихах хотя бы какого-то намека на знакомство с девушкой Марией.

– Значит, плохо искали, – укоризненно посмотрев на меня, произнесла

она как ни в чем не бывало и, вздохнув, добавила железный, иначе и не скажешь, аргумент в свою пользу: — Да неужто он глупец какой был, этот ваш Блок, чтобы матушке своей и друзьям расписывать о своих чувствах, коли женат был.

— Ну вот, — радостно воскликнул я, — вы и сами только что сказали, что Блок был женат.

— Женат, женат, — согласно закивала Мария Ивановна головой. — Только это ведь потом открылось. А так, глядишь, может быть, что и получилось бы у них, не уедь тогда Блок из деревни.

“Действительно, в конце сентября 1916 года Блок убыл в отпуск в город Петроград, а 2 ноября того же года вернулся в расположение отряда”, — писал об этом в своих воспоминаниях В. Ф. Пржедпельский, сослуживец Блока.

— Ну так вот, — дождавшись, когда я оторвусь от своих записей, продолжила Мария Ивановна. — Тут как тут после его отъезда через неделю сваты из соседней деревни Камень нагрянули. Стали Марию сватать. А та ни в какую, наотрез отказалась замуж выходить. Пришлось сватам от ворот поворот давать.

— Да! Все бы хорошо, может, и было, — вздохнула в очередной раз Мария Ивановна, — но нашлись-таки злые языки. Пустили слухок по деревне о том, что офицер женат. Скорее всего, это кто-то из его сослуживцев недобрую службу сослужил. А может, кто и по зависти или по глупости. Дошел этот слух до дядьки Адама. Тут он свое отцовское слово и сказал: вернули сватов назад, в три дня свадьбу сыграли и увезли Марию из отцовского дома навсегда.

— И что дальше было?

— А дальше что... вернулся Блок в деревню, узнал о свадьбе и в тот же день уехал.

— Куда?

— А кто его знает, — пожала Мария Ивановна плечами. — Правда, мне мама рассказывала, что заезжал он все-таки в деревню Камень. Она-то сама из этой деревни родом у меня. Хотел Марию увидеть. Но та с ним разговаривать не пожелала. Хватило ей, бедолаге, и неправды, и позора. В Россию он ездил неспроста, я себе так думаю.

— А почему же вы так думаете?

— Потому и думаю, что хотел он судьбу свою изменить. Да видишь ты, как все вышло, — не успел. Судьбу не изменишь, — вздохнула она, — с ней не договоришься. А Мария с мужем жили плохо, хотя она ему и двух сыновей народила, — он ей так и не простил своего двойного сватовства.

— Так зачем тогда женился?

— Приданое за Марией отец дал богатое — вот и женился. Все! — неожиданно закончила свой рассказ Мария Ивановна. — Все, что знала, рассказала.

Аккуратно спрятав в нагрудный карман листки с записями нашей беседы, я поблагодарил Марию Ивановну и вышел из дома. Еще буквально вчера я даже подумать не мог, что здесь, в этой маленькой белорусской деревне со странным названием Колбы, мне посчастливится узнать столько интересных и неожиданных подробностей о жизни Александра Блока.

Помните знаменитую фразу “искусство принадлежит народу”. Возможно, именно поэтому у многих из нас и сложилось ошибочное мнение, что и люди искусства так же принадлежат нам с вами, а не самим себе. И все, на что они способны в этой жизни, так это только и делать, что создавать свои бессмертные творения и радовать нас ими. А еще они просто обязаны быть для нас символом удачи, счастья, благополучия, в общем, вечным праздником души. Потому что мы так хотим. Потому что нам так нужно. Да, страшная это сила — всенародная слава. День и ночь, не уставая, она готова носить полюбившийся ей талант на руках. Но не дай вам Бог отказаться от нее ради собственного счастья — не простит, безжалостно, с улыбкой на устах задушит в собственных объятиях.

“Писательская судьба — трудная, жуткая, коварная судьба. В наше время в России — особенно. Кажется, никогда еще не приходилось писателям попадать в такое ложное положение, как теперь”, — писал 2 февраля 1902 года Александр Блок в статье “Душа писателя”. Не имей права на собственное счастье и быть счастливым для окружающих людей — крест гениев.

Печатью таинства или трагедии отмечен уход из жизни многих русских поэтов XX века. Мы не знаем и никогда не узнаем, что думал Гумилев перед расстрелом, что толкнуло Есенина, Маяковского, Цветаеву, да и не только их,

к последнему решительному шагу. Мы не знаем точно, где находится могила Мандельштама. А могилы Ходасевича, Георгия и Вячеслава Ивановых отделены от нас не только огромными расстояниями, но и государственными границами.

На этом фоне кончина Блока, происшедшая вследствие болезни в своей стране, в своей постели, может послужить едва ли не редким в XX веке благополучным примером. И тем не менее этот уход содержит свои тайны, загадка которых таит в себе не меньшие сложности.

В этом году исполняется 128 лет со дня рождения Александра Блока. “Не юбилей”, – отреагировал один из местных журналистов. Да, юбилей – это модно. Это мероприятие серьезное. Их заранее планируют, готовят – очередные праздники бездушия. Отдать дань памяти и забыть. Слава Богу, не везде так.

16 ноября 2007 года в Брестской области, в деревне Лопатин, одну из новых улиц назвали именем Александра Блока. Улица небольшая, всего-то семь новеньких двухэтажных коттеджей. А память останется на всю жизнь.

Еще по дороге в Калининград я понял, что одному мне будет трудно разобраться в том, что на самом деле произошло в последние месяцы пребывания Александра Блока в Белоруссии. Можно было бы, конечно, напустить “литературного тумана”, выдать желаемое за действительное и все это отдать на откуп читателю: мол, думайте сами, верить мне или нет. Но что-то мне подсказывало, что рано еще ставить точку в этой истории. И интуиция меня не подвела.

Алексей Захарович Дмитриевский – профессор Международной славянской академии, профессор кафедры зарубежной литературы Калининградского государственного университета, кандидат филологических наук, член Союза журналистов России, учитель в четвертом поколении, исследователь в области поэтики литературных жанров, пушкиновед, блоковед – вот к какому человеку я решил обратиться за помощью. С Алексеем Захаровичем мы знакомы почти пять лет. Он, как и я, является членом Союза писателей России. Алексей Захарович любезно согласился встретиться со мной у него дома. Идя к нему на встречу, я очень волновался: а вдруг, выслушав меня, мой старший товарищ по литературному цеху скажет, что все это выдумки местных жителей, и они не имеют никакой связи с жизнью великого поэта. Пожалуй, за исключением лишь того, что именно в тех местах Белоруссии Блок проходил службу в армии – это факт, всем давно известный.

Выслушав мой сбивчивый рассказ и внимательно прочитав записи, которые я сделал в Белоруссии, он, помолчав какое-то время, сказал: “Вам необычайно повезло, мой друг. Шанса, который выпал вам, многие ждут всю свою жизнь”.

– Вы хотите сказать, – голос мой задрожал от волнения, – что верите мне?

– Верю и не просто верю, – улыбнулся он в ответ. – У меня есть книга, которая поможет вам дойти до истины. Особо прошу обратить внимание на поэму “Возмездие”.

Книги у Алексея Захаровича занимают всю его квартиру. Они на книжных полках, столе, подоконнике, стульях, диване. И это не беспорядок, нет. Книжки просто живут в этой квартире вместе со своим хозяином. Они для него имеют такое же значение, как солнце, воздух, вода и хлеб. Можно любить книги, но жить книгами, считать их своими друзьями, к сожалению, доступно не каждому. Не в первый раз прихожу я в эту литературную квартиру и каждый раз испытываю чувство гордости, что имею право называть ее хозяина своим товарищем.

В автобусе я не удержался и раскрыл книгу, которую дал мне Алексей Захарович. Это был пятый том сочинений А. Блока, поэмы 1911–1921 годов. В выходных сведениях читаю: сдана в набор 7.01.1932 г., издательство писателей, Ленинград. Это был не просто раритетный экземпляр, это была настоящая литературная реликвия.

Дома, удобно устроившись за столом, я, как мне и советовал Алексей Захарович, внимательно прочитал поэму “Возмездие”. Начал с предисловия, написанного автором в июле 1919 года, и закончил черновиками ко второй и третьей главам поэмы, которые Блок также писал в июле, но уже 1921 года, за несколько недель до своей смерти.

Итак, позволю себе еще раз вспомнить слова Блока: "...Честность и желание не провратятся".

Из предисловия к поэме "Возмездие" (стр. 31): "...В эпилоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях, никому не ведомая и сама ни о чем не ведающая".

Позволю напомнить вам, что согласно Брест-Литовскому миру, который был заключен большевиками 3 марта 1918 года с Германией, территория западной Белоруссии отошла к Польше. На этой территории оказались деревни Колбы, Лопатин и Камень.

А теперь предлагаю вам внимательно прочесть последние строки стихов, которые написал поэт за несколько недель до своей смерти. Не хочу делать никаких выводов. Сделайте их сами.

— *Мария, нежная Мария,
Мне жизнь постыла и пуста!
Зачем змеятся молодые
И нежные твои уста?
Какою думой?..*

— *Будь веселей, мой гость угрюмый,
Тоска минует без следа.
Твоя тоска пройдет.*

— *Где мы? — Далеко, за предместьем,
Здесь нет почти жилых домов.
Скажи, ты помнишь о невесте?
— Нет, у меня невесты нет.
— Скажи, ты о жене скучаешь?
— Нет, нет, Мария, не о ней.*

*Она с улыбкой открывает
Ему объятия свои,
И все, что было, отступает
И исчезает (в забытьи).*

И он умирает в ее объятиях. Все неясные порывы, невоплощенные мысли, воля к подвигу, никогда не совершенному, растворяется на груди этой женщины.

*Мария, нежная Мария,
Мне пусто, мне постыло жить!
Я не свершил того,
Того, что должен был свершить.*

(Черновики продолжения третьей главы поэмы "Возмездие", стр. 107–108.)

Р. S. Не знаю, почему, но мне захотелось закончить мой рассказ словами поэта: "Верен, сквозь всю свою неверность". И я верю — поэту и человеку...

Когда в редакции готовили подборку "Янтарный край", пришло известие о смерти старейшего писателя Калининграда, основателя Калининградского отделения Союза писателей России АНДРЕЯ МАКСИМОВИЧА СТАРЦЕВА. Участник Великой Отечественной войны, русский патриот, Андрей Максимович деятельно боролся с попытками обособить Калининградскую область от России. Журнал "Наш современник" опубликовал серию его статей, в которых Старцев разоблачал закулисные маневры областной элиты, частенько наведывавшейся в Европу и витийствовавшей там о благотворности той или иной формы ассоциации области с Евросоюзом. Бывая в Москве, Андрей Максимович неизменно заходил в редакцию "Нашего современника", где у него было много друзей. Великолепный рассказчик, обаятельный человек, талантливый прозаик и очеркист, Андрей Максимович Старцев останется в памяти тех, кому посчастливилось его знать, и тех, кто знаком с писателем только по его произведениям.